

Тимур Максютлов

Прозаик, фантаст, детский писатель. Родился в Ленинграде в 1965 году в семье студента Политехнического института и аспирантки института им. А. И. Герцена. Вырос в Таллинне. С 1982 по 1991 служил в ВС СССР (капитан запаса), работал преподавателем истории в школе, с 1992 трудится в цветной металлургии, специалист по управлению. Первая книга издана в декабре 2013 года в петербургском издательстве «Астрель». Автор более чем двадцати книг, многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Полдень», «Мир фантастики» и т. д. Лауреат и финалист литературных премий, имеет государственные награды СССР, России и МНР. Стихи прежде не публиковались.

Альбатрос

Шторы

Закрыты шторы.

Хрупкою стеной отгородив от мира две надежды. От пошлости державного невежды, от смерти, от убогости земной.

Закрыты шторы.

Пламя в темноте. Но не сжигая, а сплавляя вместе. Тебе — сестре, любовнице, невесте — молюсь.

Молюсь не Богу.

Красоте.

Корявых пальцев новое чутье училось нежности у нежно-нежной кожи, и стало мне теперь всего дороже твое дрожанье.

Нет.

Уже мое.

Закрыты шторы.

Шторами ресниц ты глаз болотных прячешь озаренье. И музыка движений учащенья.

И выдох.

Вспышка. Смерть. За край границ.

Соленой тайны пота ворожба. Кислинка сока. Перламутра влага.

Я птенчик.

Я — Дракон. Моя отвага — твоя заслуга. Просто ты — судьба.

Двух половин пустое нежитье, закончив путь, слепилось воедино.

Художник завершил свою картину, любуясь на творение свое.

Закрыты шторы.

Нет ничего. Ни времени, ни мира.

Холмов прелестных алебастр манит. И снег постели тает от слияний.

И тайны нет.

Все тщетно.

Кроме тайны.

Ты ими, бесконечными, полна.

Ты — Королева. Спутница. Жена.

Закрыты шторы...

Песок

Мы ждем и ищем. Ждем и ищем.

Время

шуршит песком часов, стекая вниз.

Дожди смывают память, снег ложится — и покрывает тщетные следы.

А мы все ищем.

Уроборос, заглатывая вечность, скрипит, вращая круг. Все медленнее
кольца, и быстрее смена: вот понедельник, вот опять весна.

Душа не заживает — там разрыв

дымится кровью. А должна быть половинка.

А мы все ищем.

Натыкаясь на чужих, чужих целуя, щупая руками,
как слепые.

Лепя вслепую статуи из тьмы.

И ходим, ходим, как та лошадь в шахте. Скрипит веревка, воду под-
нимаем — и выливая. Чтобы в шахту стечь.

А мы все...

Ведь слышу — цокот каблучков и запах раны.

Но где?

Она идет и ищет. Тем же кругом. Не вытирая тушь, плывущую с рес-
ниц.

Остановись!

Она тебя догонит. Время встанет.
Шампанское из слез — и в потолок!
Нет.
Кончился
Песок...

Альбатрос

Как в небе альбатрос — в тебе живу,
Ложусь крылами на поток воздушный,
Ждать поцелуев — трудное искусство,
Упасть в глаза — как в майскую траву.

Как в море клипер, режу гладь волны,
Волны волос из солнечной короны.
И пальцы пальцами, как электроды, тронув,
Я вздрогну — от бушприта до кормы.

Нельзя насытить жажду у песка.
Нельзя водой наполнить мех дырявый.
За что твоя награда, Боже правый?
За что мне эта сладость, что горька?

Бредя через пустыню бытия,
Я не прельщался счастьем быстротечным.
Ведь миражи всегда — недолговечны,
У миражей история — своя.

Но разум выключая, как разъем,
ты подойдешь, затылок помечая.
Мир поплывет, за все грехи прощая.

Спасибо, Господи.
Спасибо,
Что
Живем.

Город

Город подарит влагу:
Серое крыш шуршанье,
Капель холодных ласку,
Нервного ветра срыв.

Город подарит небо:
Звезды со дна «колодцев»,
Редкого солнца вспышку,
Росчерки белых птиц.

Город подарит ясность:
Строгость одежд гранитных,
Четкость чертежных линий,
Верный напор Невы.

Просто молчи и слушай,
Зонт убери и слушай,
Сбрось капюшон и слушай:
Музыка здесь.
Внутри.

Лети, корабль!

Летит корабль.

Сквозь мили и века,

Туманности бушпритом протыкая, от звездной пыли трубами чихая и подставляя зареву бока.

Летит корабль, наматывая мир, любясь на рассветы и закаты, сверхновых взрывов слушая раскаты и плач новорожденных черных дыр.

Его борта покрашены в лазурь, его макушки — шапки из снегов, и палубы его материков щетиною лесистою покрыты (лишь там, где до пустыни не побриты, и там, где нет морщин его хребтов).

И без конца бунтует экипаж, то флаг, то курс бессмысленно меняя, друг друга к переборкам прибывая, окопами уродуя пейзаж.

Дыша отравой дымовых завес, дерутся в кровь за место у штурвала, как будто места у штурвала мало, как будто тяги у штурвала есть.

Летит корабль на ощупь, в темноте, разогнанный пинком Большого Взрыва, летит к вершинам в бешеном порыве, а приглядишься: вершины те — не те.

И смотрит Бог с растерянной улыбкой, листая свой истрепанный конспект, расчеты подгоняя под ответ, напрасно в чертежах ища ошибку.

Когда-нибудь Он плюнет на проект, решит начать работу всю с начала, бикфордов шнур приделает к запалу, и снова на Голгофе встанет крест.

Но время есть.

Возьми мою ладонь, я покажу, что звезды — не огарки, тобою очарованные кварки станцуют нам задумчивый бостон.

Пока живу — люблю, отвергнув тлен. Пока люблю — дарю Вселенной шансы; галактики кружат в игривом танце, подолаы задирая до колен.

Летит корабль.

Вздувая парусами облака,

Улыбкою экватор изгибая.

Уверенный, что Истина — простая.

Не ведая, что Истина — горька...

Лети, корабль!